

«Динь-дон».

На экране смартфона вспыхнуло уведомление.

— Господин Нин, мы кое-что выяснили, но пока не можем ручаться за достоверность. Снимки я вам отправил, взгляните — вдруг что-то покажется знакомым.

— Прошло уже больше шести лет. В том районе провели масштабную реконструкцию, многих домов просто не осталось. Ваши воспоминания о жизни до одиннадцати лет слишком отрывочны, нам тяжело собрать этот пазл.

— К тому же вы просили не привлекать внимания, так что мы действуем с крайней осторожностью.

— Понимаю. Сделайте всё, что в ваших силах.

Отправив ответ, Нин Цзяньцзин открыл прикрепленный файл. Внутри лежала пачка фотографий и короткая аудиозапись. Он запустил запись и принялся медленно просматривать снимки.

«Лет четыре назад тут всё перерыли, проект какой-то был. Перепланировали весь квартал. И здесь, и дальше по Сюэшуй-лу — всё заново отстроили. А раньше... да тут как щупальца осьминога всё переплетено было, на велосипеде и то не проедешь».

«Пропавший ребёнок? Не, не слыхал. Я сам-то года два как понаехал, но про такое не болтали. Брошенный? Да кто ж про такое на каждом углу трепаться станет! Ну и расспросы у тебя, парень. Всё, мне на рынок пора, спроси ещё у кого».

Запись длилась от силы минут пять. Нин Цзяньцзин пересмотрел снимки несколько раз, но в памяти не отозвалось ни единого проблеска. Похоже, разум сыграл с ним злую шутку.

Воспоминания о детстве до одиннадцати лет превратились в хаотичный, мутный поток, где реальность переплеталась с бредом. Это место в его голове походило на заброшенную бойню, заваленную гниющими обломками прошлого, от которых нёсся удушливый, тяжёлый смрад.

Он сжал переносицу, пытаясь смахнуть липкое оцепенение, когда тишину разбил резкий звонок.

Сделав глубокий вдох и вернув лицу привычную сдержанность, Цзяньцзин принял вызов:

— О, старший молодой господин! Чем обязан?

Нин Цзяньяо выдержал паузу и сдержанно произнёс:

— Ты пробыв в FRG всего пару дней, а уже разучился разговаривать нормально?

Нин Цзяньцзин нахмурился. Кончик ручки с тупым стуком постукивал по столешнице. На губах его проступила дерзкая, ленивая усмешка:

— Что значит «разучился»? Я всегда так разговариваю. Или вы, дорогой братец, позвонили мне только для того, чтобы прочитать нотацию?

— У меня нет на это времени. Я слышал, вы с Цзин Сючжу в последнее время постоянно цапаетесь. Он что, опять тебя задевает?

Перо соскользнуло, оставляя на бумаге глубокую рваную царапину. Цзяньцзин насупился:

— Это Цзин Сючжу тебе наплетал?

«Надо же, этот старый чёрт ещё и жаловаться умеет!»

Нин Цзяньяо замялся. Разумеется, он не мог выдать их с Цзин Сючжу тайный договор — узнай Цзяньцзин хоть край уха, поднялся бы невообразимый скандал. Не мог он признаться и в том, что лично угрожал капитану FRG. Но и врать напропалую не хотелось.

Поколебавшись, Цзяньяо сухо выдавил:

— Хватит с ним переругиваться. Этот старый лис хитёр и прожжён, тебе его не переиграть. Мозгов не хватит. Занимайся своими делами и не наживай себе врага — сам же потом пожалеешь.

Нин Цзяньцзин мысленно хмыкнул. «Кто из нас пожалеет — это мы ещё посмотрим».

— И не подумаю.

— Перестань упрямиться! — с досадой вздохнул Цзяньяо. — Я же о тебе пекусь. Ты и Цзин Сючжу...

— Тогда заставь его извиниться передо мной, — перебил Цзяньцзин с капризной въедливостью. — Ты хоть знаешь, что он сдвинутый? Он меня едва не задушил! И из-за чего? Из-за кота! Он явно тронулся умом.

Цзяньяо слишком хорошо знал крутой нрав Цзин Сючжу. Капитан не стал бы распускать руки без веской причины.

— Завязывай со своими капризами. Сючжу никогда не станет цепляться на пустом месте.

— Откуда такая уверенность? Вы что, так хорошо знаете друг друга? У вас с ним романа случайно нет? — Цзяньцзин фыркнул, ядовито протянув: — Ух ты, а у нашего старшего молодого господина, оказывается, широкие взгляды. Но у капитана Цзина тот ещё характерец, ты уверен, что вытянешь? Или, может...

— Нин Цзяньцзин! — в голосе Цзяньяо вспыхнула настоящая ярость. — Следи за языком! Ты действительно думаешь, что я...

— Ладно-ладно, ты только ради этого бредня звонил? Если всё, я повесил трубку, у меня дела.
— Цзяньцзин скомкал испорченный лист, метнул его в корзину и вытащил чистый.

— Постой, — Цзяньяо выдержал паузу, стараясь вернуть голосу ровный тон. — Не лезь к Цзин Сючжу. Тебе с ним не сладить. Послушай брата, я зла тебе не желаю.

Цзяньцзин скривил губы в саркастичной ухмылке:

— Надо же, как трогательно вы его выгораживаете. Если так невтерпёж — ведите его под венец и сделайте моей невесткой! Я даже возражать не стану, честное слово.

У Цзяньяо разболелась голова. Поняв, что спорить бесполезно, он тяжело вздохнул:

— Сегодня у мамы день рождения. Не забудь приехать на ужин.

Пальцы Цзяньцзина на мгновение замерли. Взгляд затуманился ледяной жгучей ненавистью, однако голос остался обманчиво спокойным:

— Старший молодой господин, ты ведь это не всерьёз? Я тебе не родной брат. Если я не появлюсь перед её очами, почтенная госпожа проживёт на пару лет дольше. Пожалей её нервы.

Госпожа Нин ненавидела его гораздо сильнее, чем даже сам старый глава семейства. И если бы не «полезность» найдёныша для её драгоценного первенца, она бы в жизни не потерпела, чтобы какой-то уличный заморыш смел называть её матерью.

Она ведь слишком высокородная.

На том конце провода надолго воцарилось молчание.

— В восемь вечера. Жду, — отрезал Цзяньяо и отключил связь.

Слушая короткие гудки, Цзяньцзин со щелчком бросил телефон на стол. Расправив лист бумаги, он взял карандаш и уверенными, точными штрихами принялся набрасывать рисунок.

Когда он впервые переступил порог дома Нин, он был замороженным, черным от грязи мальчишкой. Изнемождённый, покрытый шрамами, он еле держался на ногах — и к тому же заметно хромал.

Цзяньцзин всегда ходил медленно, плавно и осторожно, скрывая свой изъян, поэтому никто в доме так и не узнал, что когда-то он был калекой. Даже Чэнь Цзюэмин и Янь Хай не догадывались об этом.

В тот год Старейшина Нин привёл его в особняк, дал имя Нин Цзяньцзин и приказал слугам окружить его заботой.

Тогда доверчивый мальчик решил, что обрёл настоящий дом. Что обрёл родную душу, кров над головой и что скитаниям по холодным подворотням пришёл конец.

Он изо всех сил старался быть послушным: помогал прислуге, выполнял любые поручения, проглатывал чужую брезгливость и улыбался в ответ на холодные взгляды. Он безмерно ценил каждый день в этой семье и боготворил всех, кто в ней жил.

Пока в один из дней Старейшина Нин не погладил его по голове и не велел сесть в машину.

Его привезли в частную клинику. Толстые иглы вьедались в кожу, впивались в вены, выкачивая алый поток, который тут же переливали другому человеку.

Его «старшему брату».

Вскоре и слуги пронюхали: никакой он не «второй молодой господин». Он — просто ходячий контейнер с кровью, купленный старым хозяином.

Его кормили досыта сытной едой, чтобы кровь восстанавливалась быстрее, но вместе с пищей его пичкали презрением. Колкие насмешки и брезгливые шепотки отравляли каждый вдох, забиваясь под кожу.

Справедливости ради, старший брат не был к нему откровенно жесток. На фоне ледяной ненависти госпожи Нин, интриг Старейшины и издевательств слуг Цзяньяо даже проявлял своеобразную заботу. Он даже пару раз осаживал распоясавшуюся дворню. Из чувства вины? Цзяньцзину было плевать. Это не трогало его сердца.

За всё, что он получил, он заплатил собственными литрами крови. Никаких причин для благодарности у него не было.

Слуги были правы: не стоило питать иллюзий. Только их жестокая откровенность помогала ему держать разум чистым и не поддаваться яду фальшивого милосердия.

Ни душевное тепло, ни физическая ласка ему больше не требовались. Он не нуждался в чужой жалости или подачках.

Цзяньцзин глубоко вздохнул, выгоняя тупую боль из груди. Карандаш с сухим шорохом чертил на бумаге линию за линией. Раз старший молодой господин так просит его приехать — что ж, он навестит особняк. И поздравит госпожу Нин с днём рождения. Как следует поздравит.

В кабинете стояла тишина, нарушаемая лишь сопением спавшего без задних лап Бамбукового Побега. Глаза Цзяньцзина налились опасным, бритвенно-острым блеском. Казалось, проходящие под кожей вены на шее готовы вот-вот лопнуть и обернуться стальными лезвиями, способными располосовать любого, кто подойдёт слишком близко.

Доброе слово согревает в лютый мороз, а злое — ранит даже в зной.

Но он провёл во льду слишком много лет.

Искренность?

Он давно забыл, что это такое. И знать не хотел.

Около семи вечера Цзин Сючжу вернулся из академии юниоров. Проходя мимо кабинета, он столкнулся с Цзяньцзином, выходящим на лестничную площадку. Капитан прислонился к стене и с иронией окинул парня взглядом:

— О, Сяо Нин-е изволит выходить? Не поздновато ли для прогулок?

Цзяньцзин едва удостоил его взглядом. Он размашистым движением прихлопнул лист бумаги к груди капитана — словно наклеил заклятие против злых духов, разве что без слюны. Когда Цзяньцзин отстранил руку, эскиз плавно поплыл вниз.

Цзин Сючжу подхватил падающий лист, даже не глянув на него.

Цзяньцзин же, не сбавляя шага, прошел мимо. Пропали куда-то привычные ядовитые колкости, с которых обычно начиналась любая их встреча.

«Не в духе?» — подумал капитан.

Сменив позу, Цзин Сючжу окликнул его:

— Эй, сопляк. Поменьше глуши алкоголь. Ещё пару дней в таком режиме — и у тебя вместо

крови винище потечёт.

Цзяньцзин резко замер. Брови сдвинулись, в глубине зрачков мелькнул студёный огонёк. Но когда он повернулся, на его лице уже сияла мягкая, невероятно обворожительная улыбка:

— Оу, капитан Цзин, вы так печётесь о моём здоровье? Только не говорите... что влюбились в меня?

Глядя на эту фальшивую, медовую улыбку, Сючжу невольно вспомнил тот прошлый случай — и его сладострастный, капризный стон. В груди капитана что-то ёкнуло, волна неловкости заставила его отвести взгляд. Сжав бумагу в пальцах, он фыркнул:

— Да пей хоть до смерти, мне-то что.

Цзяньцзин понимающе кивнул, произнеся с двусмысленной интонацией:

— Вот именно.

Сючжу не понял, к чему относилось это «вот именно» — к согласию или насмешке, — но интуиция подсказывала, что этот невыносимый парень ещё не закончил.

И действительно, спустя секунду Цзяньцзин продолжил:

— Но умирать мне пока рановато. Вы ведь ещё не встали передо мной на колени. Было бы ужасно обидно пропустить такое зрелище.

Засунув руки в карманы, Цзяньцзин, не дожидаясь ответа, неторопливо пошёл вниз по лестнице.

Цзин Сючжу молча смотрел ему вослед, пока фигура парня не скрылась на повороте.

Цзяньцзин всегда ходил бесшумно, словно дикий кот, но в воздухе всё ещё витал его едва уловимый шлейф.

Свежий, едва ощутимый аромат, похожий на прохладный морской бриз. Он совсем не вязался с его дерзким, взрывным и злопамятным характером, но дышалось рядом с ним удивительно легко.

Сючжу непроизвольно потёр кончик носа, и на его губах скользнула едва заметная усмешка. Вернувшись в тренировочный зал, он мельком взглянул на зажатый в руке лист — и обомлел.

Это был эскиз игровой формы, выполненный цветными карандашами.

В самом верху широким, размашистым почерком были выведены иероглифы. Каждая линия дышала экспрессией и дерзостью:

* «Яркое пламя горит, Феникс возрождается из пепла».*

Чуть ниже располагался сам дизайн.

На белоснежном фоне оранжево-алые мазки карандаша сплетались в языки бушующего пламени, в которых угадывались силуэты расправленных крыльев феникса. Узор казался сложным, но каждая деталь была прорисована с поразительной точностью.

Так он весь день просидел в кабинете не ради того, чтобы бездельничать, а чтобы нарисовать это?

Цзин Сючжу провёл подушечками пальцев по размашистым строкам. Казалось, от этих букв исходит физическое тепло, обжигающее пальцы и проникающее в самое сердце.

Этот эскиз, даже просто лежащий на бумаге, нёс в себе неистовую силу, способную пробить самую беспросветную тьму, словно победный клич, возносившийся над пепелищем.

В этом сезоне FRG потерпела сокрушительное, позорное поражение. Вся команда погрузилась в удушающее молчание. И эти слова, написанные рукой Цзяньцзина, попали в самую точку, разжигая угасший пламень.

* «Яркое пламя горит, Феникс возрождается из пепла».*

Окружающие не знали, через какой ад им пришлось пройти. Разочарование фанатов, ядовитые помои хейтеров, холодно-рациональные утешения Нин Цзяньяо — всё это было не то.

Нин Цзяньцзин оказался единственным, кто верил в их *возрождение*.

Цзин Сючжу не знал, что именно заставило парня нарисовать этот эскиз — разговор ли после посещения академии или что-то ещё. Но раз уж Цзяньцзин верит, что FRG восстанет из пепла...

Что ж, он проведёт команду сквозь беспросветный полумрак и подарит ему эту триумфальную победу!

В следующем турнире...

FRG одержит верх.

Обязана победить.

<http://bllate.org/book/20061/1991281>